

По проблеме рецепции творчества А. Солженицына в Румынии можно сделать следующий вывод: в 60-е и 70-е годы читатели смотрели на русского писателя как на борца, героя и тайне читали его книги. Позже, в 90-е годы, они могли изучать творчество писателя, не встречая никакого препятствия. В начале XXI века вышли мемуары и работа «Двести лет вместе», в результате знакомства с которыми румынские читатели узнали больше о мировоззрении, творческой судьбе писателя, об отношении к нему современников, коллег по перу.

Книги А. Солженицына пользуются успехом, хотя «горизонт ожидания» румынского читателя постоянно расширяется. Так, после знакомства с «Крохотками» Румыния открыла для себя лирическое начало в творчестве Александра Исаевича. С отношением молодых людей к личности Солженицына можно познакомиться, просмотрев специальный номер (апрель 2018 г.) культурного журнала «Дилемма». Одни восхищаются его мужеством, других привлекает поиск писателем истины, третьи увлечены работой писателя над словом, для кого-то А. Солженицын стал примером на пути духовного совершенствования. Всё это свидетельствует о силе обаяния личности русского писателя и силе воздействия творчества А. Солженицына на молодёжь.

Березовская Татьяна Юрьевна
(Москва, Россия)

«РУССКИЙ СЛОВАРЬ» А. СОЛЖЕНИЦЫНА И РУССКИЙ ЯЗЫК XXI ВЕКА (ОСМЫСЛЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБОБЩЕНИЕ)

***Ключевые слова:** жизнь языка; его обогащение и обеднение; значение словарей.*

***Аннотация:** в статье поэтапно представлена характеристика «Русского словаря языкового расширения» А.И. Солженицына. Также анализируются особенности его авторского языка, в том числе, стиля произведений. Сопоставляются выборочные примеры языка М. Цветаевой, В. Маяковского, А. Платонова, Л. Щербы. Дополнительно сделана выборка из «Цитатника» А. Солженицына, основанного на языковом материале повести «Раковый корпус». Исследование проводилось в сопоставлении с современным состоянием русского языка.*

*/Сост. А.И. Солженицын (1918-2008).
3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
Первое издание - М. Наука, 1990. 292 с./*

Автор-составитель Александр Исаевич Солженицын в 1963-1966 годах предпринял попытку воскресить прежнюю, утерянную красоту русского языка. В поисках этой красоты он обратился к лексике писателей XIX-XX столетий и к изданному в 1863-1866 годах, первому в России, четырёхтомному «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля.

Солженицын писал в предисловии к своему словарю: «Лучший способ обогащения языка — это восстановление ...накопленных, а потом утерянных богатств». По выражению автора, правдивое слово не должно быть обезличенным, т.е. «без вкуса, без цвета, без запаха» /так он сказал в своей «Нобелевской речи» (1970)/. Таким образом, главная задача Словаря — дать людям возможность узнать об этих ушедших словах, рассказать об их значении и применении. «Современная ...речь заметно оскудевает, становится бедной и невыразительной, и мы неоправданно отказываемся от ещё жизнеспособных полнокровных слов, которым грозит преждевременное отмирание», - считает автор. [7]

Целью издания вышеназванного словаря он считал возможность послужить отечественной культуре, «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему».

Вообще (в общепринятом понимании этого слова) словарь — это книга или любой другой источник информации. В нём эта информация упорядочена с помощью разбивки на небольшие статьи, отсортированные по названию или тематике. В огромное сообщество словарей входят и языковые (или *лингвистические*) - в том числе те, которые содержат заданный тематический перечень слов, расположенных в определенном порядке (обычно по алфавиту) с толкованием на том же или другом языке.

«Русский словарь языкового расширения» Солженицына составлен так же по частям в привычном для нас алфавитном порядке. Однако, в нём есть и много совсем не обычного. Первые два слова названия этого словаря являются совершенно обыденными, но следующие два слова сразу кажутся удивительными. Что же означает термин языковое расширение? Он (по Солженицыну) означает последовательное введение в языковое поле языка прошлых языковых единиц, потерявших или утративших своё значение и исчезнувших, ставших таким образом недоступными нашему пониманию.

Само название и даже названия частей словаря продуманы автором и принципиально сделаны не точно по привычному шаблону. Вот достаточно необычные главы:

Объяснение (с. 1-6), а не предисловие.

Грамматические и локальные указания (с. 7). *Грамматические* – слово понятно (*например, сущ., употр.*), а *локальные* (т.е. не выходящие за определенные пределы) – изначально вызывают удивление и недоумение, да ещё появляются в сочетании с *указаниями*, а не с привычными нам *примечаниями*.

Другие сокращения. (*вм. ... м.ск. = вместо ... можно сказать*).

Авторы (с. 8) – А. Т. = Алексей К. Толстой; Блв = Белов.

Картина представляет собой непривычное и странное для взгляда и слуха начертанные звуковые сочетания. Но логика автора становится понятной, если учесть, что основная смысловая нагрузка в системе слов русского языка ложит-

ся именно на согласные, а гласные играют соединительную, вспомогательную роль. Именно таким образом делает свои сокращения автор словаря.

Добавление (с. 267) – слово, вообще не встречающееся сейчас в заголовках и подзаголовках. В этой главе представлены выдержки из работ А. Малышкина, произведений В. Распутина и др., а также из некоторых исторических выражений.

О лошадях (с. 268-271) - эта глава просто поражает своим выделением из предлагаемого языкового среза данного словаря. Она относится исключительно к терминологической сфере профессионализмов (конкретно - к области использования и обслуживания лошадей).

Некоторые бранные слова (с. 272) – эта глава предлагает отойти не только от современных, но и от уже ушедших общепринятых норм, эти слова относятся более к устному, чем к письменному языку. (Балабан = болван, балабой = болтун, выжига-пройдоха.)

Показательно, что и сам А. Солженицын смог использовать в собственных произведениях, по разным подсчётам, лишь около пятисот лексических единиц из своего Словаря. Тем не менее, нельзя сказать, что слова «образованщина, массовизация, предзонник, школить, звёздохват, авосьничать» не совсем понятны современному человеку. Область использования этих слов, формы существительных и глаголов, их изменение по числам и, в первом случае, - по падежам, а во втором - по лицам остались прежними и доступны каждому, ныне живущему и по-русски говорящему, без дополнительных объяснений.

Все герои А. Солженицына говорят на живом наречии русского, как бы подслушанном «в гуще народной», при этом он учитывает опыт разных времён отечественной культуры – песен и прибауток, сказов и сказок, поэзии и прозы. Писатель, по его мнению, и вообще должен стать «выразителем национального языка - главной скрепы нации и самой земли, занимаемой народом, а в счастливом случае, и национальной души» (1970. «Нобелевская речь»).

«Вот ...так складывается стилистика Солженицына; архаичности в ней не так уж много, а много - широты словарного запаса, неожиданного словоупотребления, неприятия сложившегося стандартно-железобетонного литературного языка, а именно, языка соцреализма. Я имею в виду именно язык, синтаксис, наборы стандартных эпитетов, фразеологизмы, словотворчество, меру эмоциональности в предложениях и т.д.», - пишет писатель-литератор Анатолий Воробьёв. «Солженицын: а) странно строит предложения; б) использует много архаичных и полу-архаичных слов; в) существующие слова странным образом составляет вместе.» [1].

Вот пример из рассказа А. Воробьёва, произведённый на языке словаря А. И. Солженицына. (Разумеется, данный пример – некая утрировка.)

Растопыра (или Необходимая баба).

- "Эвося! – защепырил прожубрястый валявка, - "я то – чуфырь! А ёна ведь неутомчивая жемжурка. Коли ей баларыст зажирнить в шабры, так расщепырится захухрястой профефёлой!"

К сожалению, ни словарь А. И. Солженицына, ни словарь В. И. Даля не могут прояснить сейчас смысла всех этих лексем. В таких словарях определение

значений слов или вообще отсутствует, или строится из слов-синонимов того же самого, совершенно не понятного и давным-давно ушедшего языка («фэфёла – растопыря, необходимая баба; балахрыст – шатун, шлэнда; верстан – долгай, жердяй»; ерыжливый – нет определения значения; «жубря – мешкотно жующий; маламзя» – нет определения значения). [4]

Но вот - противоположный пример. Многим известна также фраза: «Глокая кúздра штéко будланúла бóкра и курдячит бокрénка» — искусственная фраза на основе русской языковой системы. Пример был предложен академиком Л. В. Щербой в 1930-е годы и использовался им на вводных лекциях по курсу филологии «Основы языкознания». Особенно широко этот пример стал известен после публикации в 1954 году научно-популярной книги Льва Успенского «Слово о словах» [7]. В этой приведённой ранее фразе нелепы все слова, они даже абсурдны, тем не менее, она в чём-то всё-таки понятна.

«Понятен общий смысл: некоторая определённым образом характеризующая сущность женского рода что-то сделала определённым образом с другим существом, уже мужского пола, а затем начала (и продолжает до настоящего момента) делать что-то другое с его детёнышем (или более мелким представителем того же вида).» - из интервью литератора Ю.А. Кублановского [2].

Фраза создана для иллюстрации того, что многие семантические признаки слова можно понять из его морфологии. Кто, как и на кого действует, совершенно очевидно, ведь при том, что все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков, сами слова и всё предложение построены абсолютно правильно, т.е. в рамках и на материале русской языковой системы/

Надо сказать, что во всём этом и Щерба, и Солженицын были далеко не одиноки.

Марина Цветаева тоже употребляет не совсем привычные для нас слова: «думьте», «впадывають», «влюбливаются» и др. [8]

Владимир Маяковский делает это в словосочетаниях ещё чаще: «...разотзовись на стих; ...мечусь, оря; ...еле расстались, ...развиделись еле; ...приходится раздвоиться» и т.п. [3]

Андрей Платонов создаёт удивительно своеобразные фразы: «мысль не дошла до ясности; должен домучиться ещё двадцать лет ради общего порядка в человечестве» и т.д. [4]

Необходимо отметить, что ни один из приведённых примеров не вошёл в современный язык. Но если у Щербы задача была в том, чтобы показать именно эту формальность, у Цветаевой и Маяковского задача стояла другая – найти более чувственные неологизмы, всё же близкие к общепринятым словам. У Солженицына же задача была поставлена принципиально другая. Он решил расширить кругозор говорящего, читающего и пишущего, используя как можно больше словесных единиц, причём не создавая новые, а сохраняя старые.

Вот что на нашем русском языке написал полвека назад и навсегда оставил нам всем Александр Исаевич Солженицын. Сам автор определял эту свою вещь как повесть. Его «Раковый корпус» - это повествование о месте, где волей судьбы пришлось встретиться абсолютно разным, не похожим друг на друга людям - гонимым и гонителям, работягам и стяжателям, молчаливым и бод-

рым, одинаково вырванным из привычной обстановки. Их трудно представить в компании друг друга вне этих стен. Разные они не только с точки зрения социального положения, но и с позиции мировоззренческих умозаключений.

Несколько цитат (выборка).

1. Если ты не умеешь использовать минуту, ты зря проведешь и час, и день, и всю жизнь.

2. Когда-нибудь не страшно умереть — страшно умереть вот сейчас.

3. Одна большая страсть, занявши раз нашу душу, жестоко измещает все остальное. Двум страстям нет места в нас.

4. Тот мудрец, кто доволен и немногим.

5. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.

6. Да поднимись ты выше своей кочки зрения.

7. Умного на свете много, мало – хорошего.

8. Никто из людей ничего не знает наперёд. И самая большая беда может постичь человека в наилучшем месте, и самое большое счастье разыщет его — в наидурном.

9. Образование ума не прибавляет. Интеллигент - это тот, чьи интересы к духовной стороне жизни настойчивы и постоянны, не понуждаемы внешними обстоятельствами и даже вопреки им. Интеллигент - это тот, чья мысль не подражательна.

10. Как ни смеялись бы мы над чудесами, пока сильны, здоровы и благоденствуем, но если жизнь так заклинится, так сплющится, что только чудо может нас спасти, мы в это единственное, исключительное чудо — верим!

11. Не бойся пули, которая свистит. Раз ты ее слышишь – значит, она уже не в тебя. Той единственной пули, которая тебя убьет, ты не услышишь.

12. Легкие деньги – они и не весят ничего, и чутья такого нет, что вот, мол, ты заработал. Правильно старики говорили: за что не доплатишь, того не доносишь.

13. Просто у людей перевернуты представления — что хорошо и что плохо. Жить в пятиэтажной клетке, чтоб над твоей головой стучали и ходили, и радио со всех сторон, — это считается хорошо. А жить трудолюбивым земледельцем в глинобитной хатке на краю степи — это считается крайняя неудача.

14. Неограниченная власть в руках ограниченных людей всегда приводит к жестокости.

15. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом.

16. Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ - не власти (жажда ее свойственна лишь процентам двум), а хочет прежде всего устойчивого порядка

17. Совсем не уровень благополучия делает счастье людей, а отношения сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то и другое – всегда в нашей власти, а значит, человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать.

18. Сытость совсем не зависит от того, сколько мы едим, а от того, как мы едим! Так и счастье, оно вовсе не зависит от объема внешних благ, которые мы урвали у жизни. Оно зависит только от нашего отношения к ним!

19. Не гонитесь за призрачным – за имуществом, за званиями: это наживается нервами десятилетий, а конфискуется в одну ночь. Живите с ровным превосходством над жизнью – не пугайтесь беды и не томитесь по счастью. Все равно ведь и горького не до веку и сладкого не до полна. Довольно с вас, если вы не замерзаете и если жажда и голод не рвут вам когтями внутренностей... Если у вас не перешиблен хребет, ходят обе ноги, сгибаются обе руки, видят оба глаза и слышат оба уха – кому вам еще завидовать? Зависть к другим, больше всего съедает нас же.

20. Самая тяжелая жизнь совсем не у тех, кто тонет в море, роется в земле или ищет воду в пустынях. Самая тяжелая жизнь у того, кто каждый день, выходя из дому, бьется головой о притолоку — слишком низкая.

21. Протрите глаза, омойте сердце и выше всего оцените тех, кто любит вас и кто к вам расположен. Не обижайте их, не браните. Ни с кем из них не расставайтесь в ссоре. Ведь вы же не знаете, может быть, это ваш последний поступок и таким вы останетесь в их памяти. [6]

Любой язык из всех существующих - самодостаточен для своего народа. Язык саморегулируется в пределах социума (разумеется, при условии его достаточных численности и независимости). Наше время - эпоха технического прогресса в обществе. Наш язык, так же как и раньше, саморегулируется в пределах своей страны. Кроме того, существенную роль в эволюции языка играет открытость каждого социума для остального мира. Большая часть его живет в постоянном обмене информацией, так что совершенно невозможно изолировать отдельный язык от других.

При этом именно язык сильнее всего подвержен изменениям, т.е. процессу языковой трансформации (древнерусский язык со старославянским и обязательным сленгом, оканьем-аканьем и матом, «ѣ» и «ё», Мефодием и Розентальем - от «гой еси» до «лол кек»).

***Гой еси* — приветственно-величальная формула в значении «будь жив!» или «будь здоров!». Дословно «гой» означает «жить», а «еси» — «есть». Буквально эту фразу можно перевести на современный русский так: «Ты есть сейчас и будь живым еще!». Это выражение характерно для русского устного народного творчества и встречается, прежде всего, в текстах былин.**

Лол - англоязычный акроним, интернет-мем, от англ.— громкий смех, громко смеясь/смеяться; смех вслух. Термин используется для общения в сети - главным образом, для выражения смеха в письменной форме. *Кек* – это выражение на сленге, который используется при общении в интернет-сообществах. Оно обозначает ехидный и злорадный смех.

Любая лексика, в том числе, разговорная, включает в себя все виды, даже сниженные по стилю. То же касается и языка художественной литературы. Он может содержать и жаргонную лексику (арго), и научную терминологию, и диалектно окрашенную, а также архаизмы и неологизмы. [5]

Сейчас вопрос состоит не в узости и некоей жёсткости рамок, определяющих, что является литературным языком, а что – нет. Мы констатируем стремительно нарастающую роль англицизмов, универсализацию и обеднение, в

первую очередь, разговорной речи. Засорение русского языка иностранщиной было всегда, об этом постоянно говорили многие писатели и прогресс в этой области очевиден.

И всё же, несмотря ни на что, в настоящий момент русский язык так же полон и богат, как был и раньше. Его изменения - это естественный процесс, который существовал всегда, во все времена. Какие-то единицы и формы языковой системы уходили, на смену им приходили новые (в том числе, заимствования, которые становились частью уже существующей системы). Эта система - всё также совершенна, многообразна и даёт человеку, такие же, как и прежде, широчайшие возможности её употребления.

Список литературы:

1. Vorobey Anatoly. О Солженицыне и русском языке. Абзац 12. LAVJOURNAL. 200325 авг. 08:27
2. Кублановский Ю. М. Стих и историософия “Красного колеса” А.Солженицына // Материалы конференции “А.Солженицын и его творчество”. Париж: Нью-Йорк 1988. С. 58-69.
3. Маяковский В. Прозаседавшиеся. Слово. Серебряный век.
4. Платонов А. Поэма мысли. Олимпия. Международный литературный клуб. Опубликовано: 13/10/2016.
5. Семёнова Г.П. Чтобы слова не утекали как вода. Русская речь. 1996. № 3. С. 19-28.
6. Солженицын А. И. Раковый корпус. АСТ. 2015. 544 с.
7. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
8. Успенский Л.В. Слово о словах. Электронный цитатник. Вторник, 14 июля 2009 г. 13:30.
9. Цветаева М. Крысолов. Электронная библиотека отечественной и зарубежной поэзии XIX-XX веков. 1925.